ИГРЫ НА ПОЛУ.

Герберт Джордж Уэллс

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

- ИГРЫ НА ПОЛУ.
  -
  - ОТДЕЛ 1.
    - Необходимые игрушки.
  - ОТДЕЛ II.
    - Игра в „Чудесные острова".
  - ОТДЕЛ III.
    - Как строить города.
  - ОТДЕЛ IV
    - Подъемные железные дороги, мраморные башни, замки и военные игры,— но очень немного военных игр.

ИГРЫ НА ПОЛУ.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1923 ПЕТРОГРАД

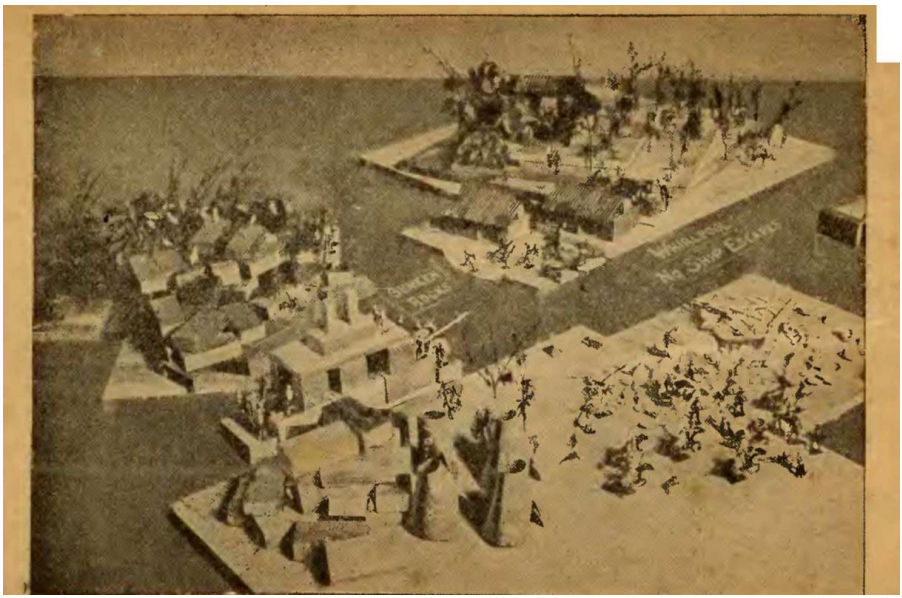
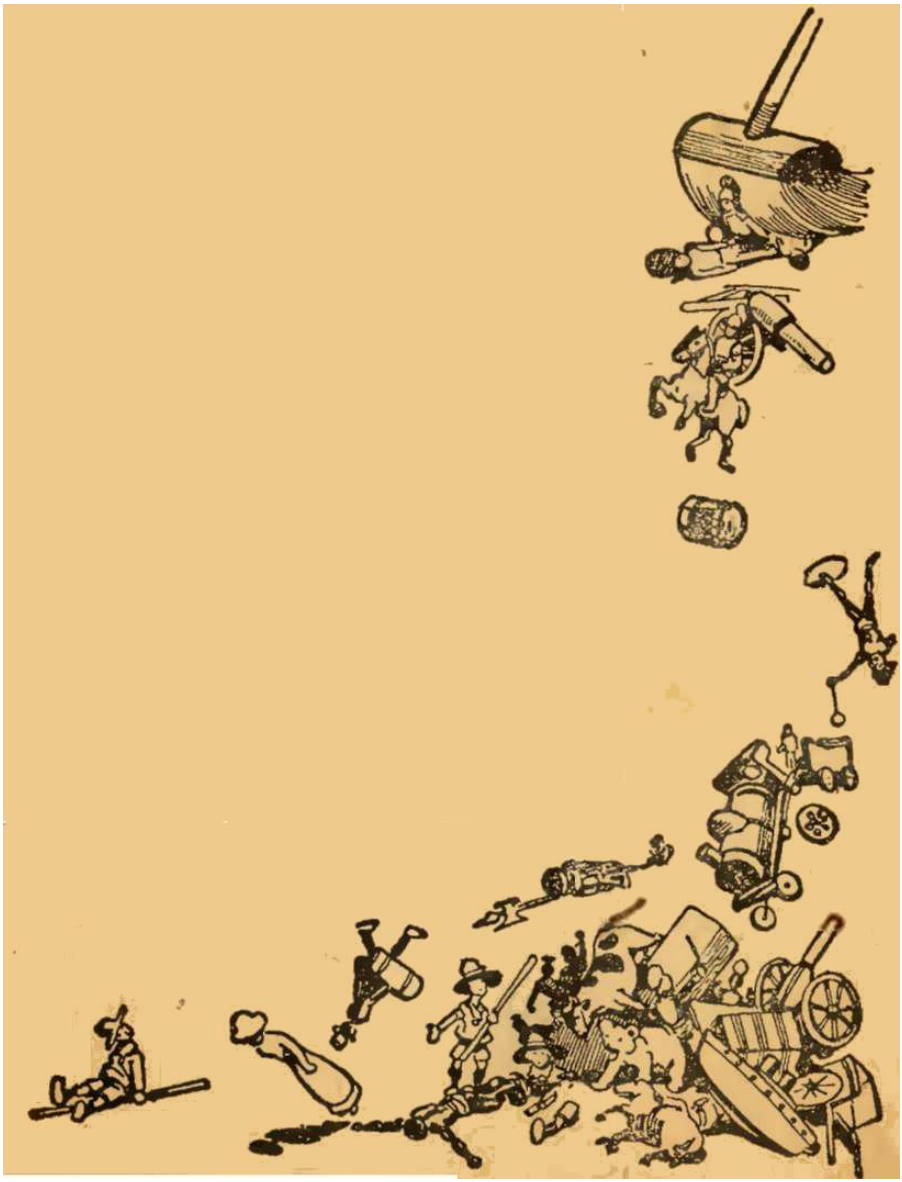


Рис. 1. Общий вид на Чудесные острова и корабль капитана Уэллса - младшего на якорной стоянке.

ОТДЕЛ 1.

Необходимые игрушки.

Самые - веселые комнатные игры как для мальчиков, так и для девочек прежде всего требуют пола; и дом, где его не могут предоставить детям, тем самым уже лишен счастья. Хорошо, если пол покрыт линолеумом, чтобы солдатики и другие фигурки могли устойчиво держаться па нем; цвет и поверхность пола должны давать возможность делать отчетливые пометки мелом. Комната должна быть не проходная, светлая обильная воздухом, Но время от времени—увы!—ее приходится убирать, и тогда прощайте, веселые игры. На таком полу можно проделать бесчисленное количество самых замысловатых игр, не только собирая вместе



мальчиков и девочек на долгие счастливые часы, но закладывая в них основу для более обширных и вдохновенных замыслов в дальнейшей жизни.

Я собираюсь описать здесь некоторые из этих игр и указать, что требуется для них. Все они, как и сходные с ними другие, проделаны мною вместе с моими сыновьями, и все, что здесь иллюстрировано, впервые зародилось у нас. Я потому хочу рассказать об этих играх, что, думается, ими заинтересуются и другие родители и воспитатели при покупке подарков как для своих, так и для чужих детей.

Игрушки, которыми мы играем от времени до времени в

бесчисленных перестановках и комбинациях, могут быть отнесены к четырем основным группам.

1) солдатики; к ним я причисляю матросов, железнодорожных носильщиков* и проч., и низших животных вообще; все это я ниже опишу более подробно;

2) бруски;

3) доски и планки, и, наконец,

4) груда колесных приборов, железнодорожного подвижного состава и рельс.

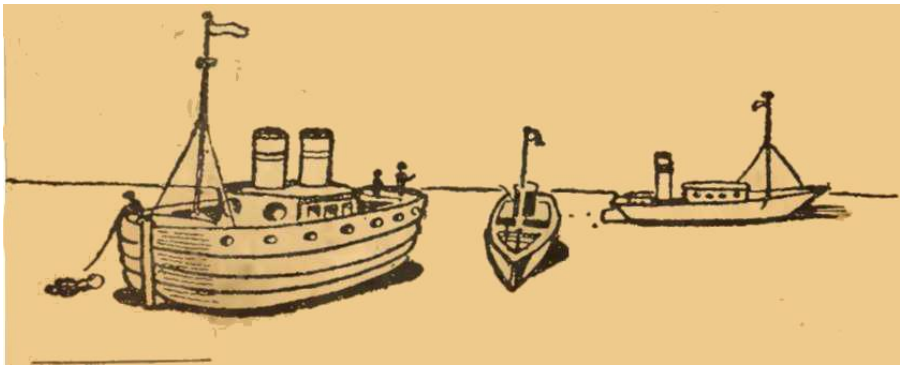
Сюда относятся также некоторые менее важные предметы — жестяные кораблики, пасхальные яйца и т. п., о которых я при случае упомяну, но подобно киви-киви или утконосу они не поддаются классификации.

Все это мы устанавливаем и перемещаем па нашем полу всевозможными способами, изображая на нем

целый мир. Проделывая это, мы натолкнулись на массу забавных приключений, а также на много нежелательных комбинаций; весьма вероятно, что опыт наш избавит читателя от последнего, оказав ему в то же время услугу в первом случае.

Так, например, наши планки и доски и все, что может быть сделано из них, было для нас огромным открытием. Оказывается, масса мальчиков и девочек совсем обходятся без них, и ими не ведется даже правильная торговля; в игрушечных магазинах совсем не встречается что-либо подобное. (Что до нас, то мы очень мало интересуемся игрушечными магазинами, хотя они и

смеются над тем, что можно обойтись без них. Мы считаем их дорогими и некомпетентными, а если подчас и останавливаемся перед их зеркальными витринами, то лишь с самыми критическими намерениями.) Доски наши, которые мы заказывали плотнику, служат основой половины наших игр. Эти доски (планки различной величины: мы начали с 3 X 2 ярда[1]) каждая. Сделаны они были с поперечными шпонками [2]), наподобие маленьких



1) Ярд равняется 3 футам. *Прим. перев.*

2) Поперечная планка, скрепляющая доски. Прим. перев.

дверок. Однако они оказались уже слишком велики, и теперь после первого опыта, и мы не стали бы приобретать их. Наижелательная толщина, на наш взгляд, будет 1 дюйм для крупных и $^3/_4$—$^1/_2$. для более мелких досок, а самая лучшая величина—1 кв. ярд, $2^1/_2$ кв. фута, 2 фута и 1 $^1/_{2l}$ кв. фута, но 1—2 штуки каждого размера, и большее число мелких—в 18*9, 9*9 и 9*$4^1/_2$ дюйма. Из более крупных досок мы строим на полу острова и архипелаги, при чем самый пол представляет из себя море; или же мы устраиваем 1—2 больших острова наподобие венецианских. Чтобы получить холмы, когда пол представляет из себя горизонтальную плоскость, мы нагромождаем мелкие дощечки на более крупные; из этого же материала мы делаем крыши для железнодорожных станций, мосты,—как это показано здесь на рисунке. И все эти доски пригнаны к ящику с брусками, —этому следующему нашему огромной важности имуществу. (Я забыл, однако, упомянуть, что во всех более широких и круп-

ных досках имеются просверленные дырочки. У четырехдюймовых досок они будут по более обыкновенного пробуравленного отверстия. О назначении этих дырочек я упомяну ниже, сейчас же перейду к ящику с брусками.)

И этот материал также не был куплен в игрушечном магазине; нам подарили его двое хороших друзей, к сожалению, уже выросшие из таких занятий; они же в свою очередь получили их от родителей,—одной из тех многочисленных семей, которые пользовались подарками некоего доброго дядюшки [1)].

Об этом последнем я знаю только то, что он был Радфорд из Плимута; о его обычных занятиях я ничего не знал да и не старался узнавать, но он, несомненно, был одним из тех блестящих и выдающихся дядюшек, которые возвышаются временами над обычным уровнем человечества. Порою, когда мы рассуждали о нашем незаслуженном обладании его наследством и перебирали те радости, которые оно доставляло нам, мы полушутя, полусерьезно решали посвятить таким исключительным людям маленькую книжку, под названием „*Славные дядюшки";* она заставила бы всех читателей ее хоть сколько-нибудь стремиться к славе дядиного венца...

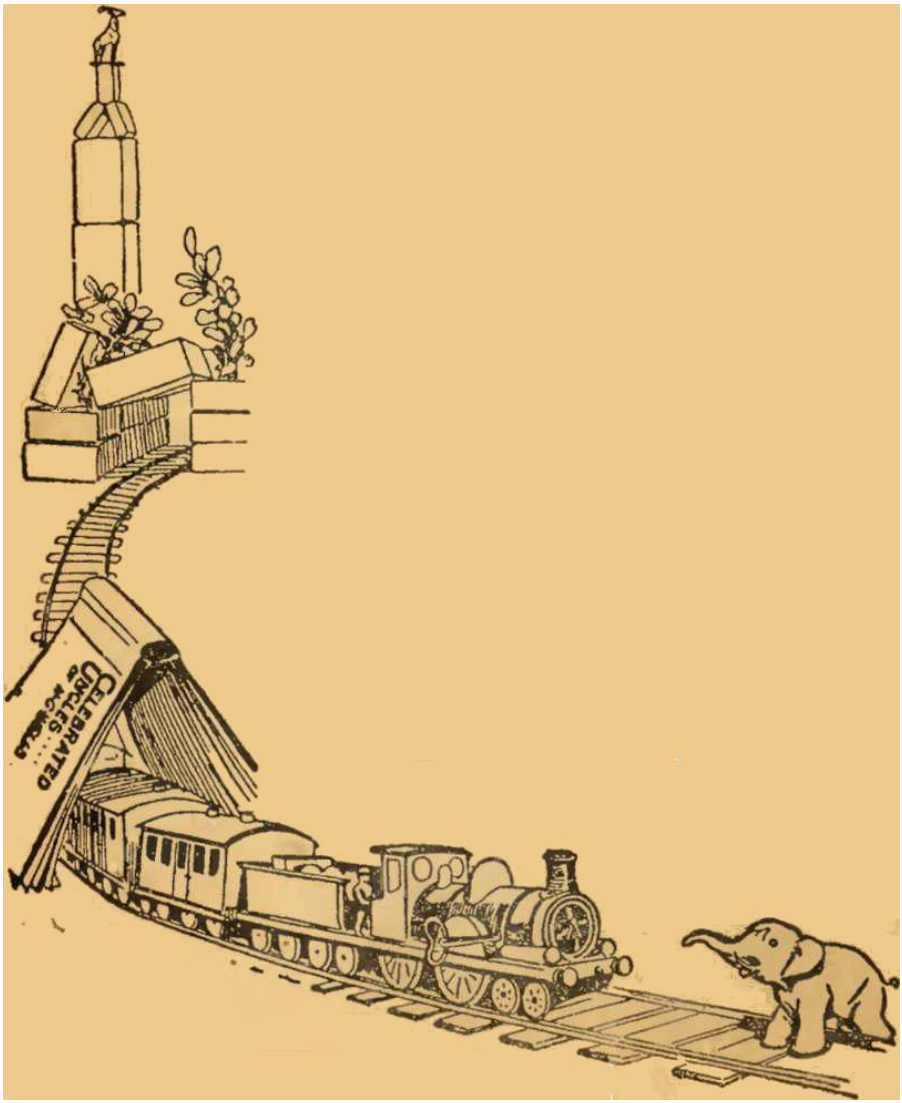
Этот великий благодетель пригласил к себе искусного безработного плотника и в течение целой зимы заставлял его изготовлять большие ящики с деревянными брусками для своих

почти бесчисленных племянников и

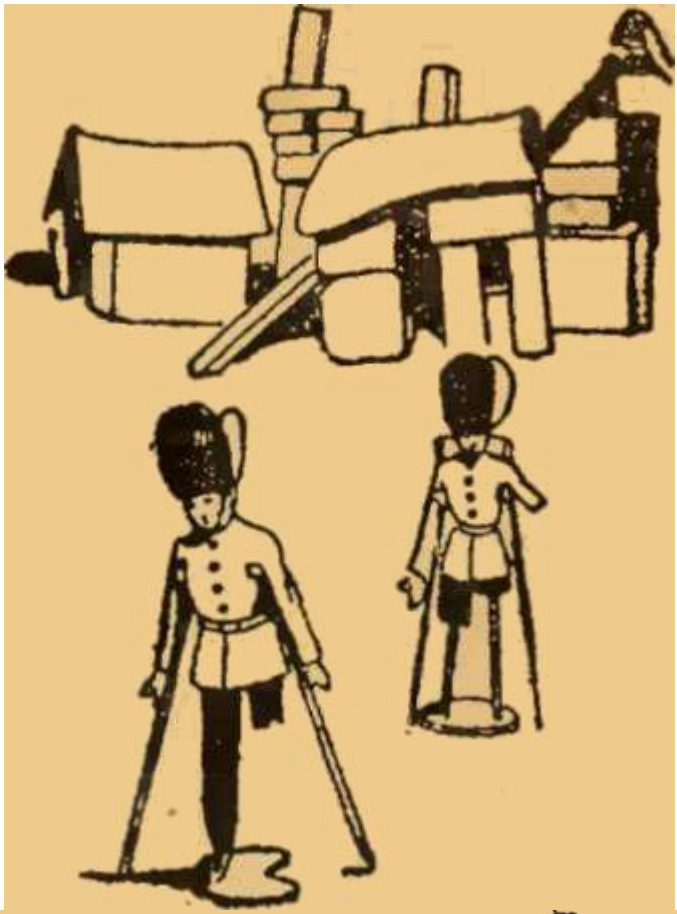
1) В Англии принято, что игрушки детям дарят по большей части родственники и друзья, но очень редко родители. Прим. перев.

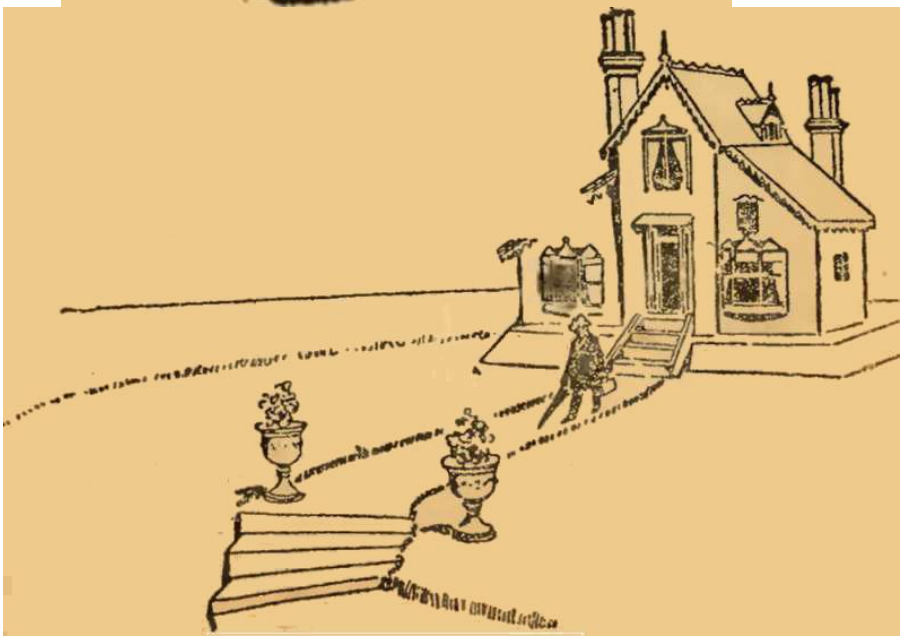
племянниц, которые вкупе с другими братьями н сестрами за это благословляли его. Тут были целые бруски в 4 $^{1}/_{2}$ дюйма*$2^{1}/_{4}$*$1^{1}/_{8}$; половинки в $2\,^{1}/_{4}$*$2^{1}/_{4}$X*$1^{1}/_{8}$, были и в четверть, названные их предыдущими владельцами (которые, я почти уверен, ныне все уже обретаются в местах горних) „поросятками". Вы замечаете, как размеры этих брусков пригнаны к размерам наших досок, а были у нас их целые сотни, хотя мы ни разу не сосчитали их; мы могли бы вымостить ими 12 кв. ярдов пола.

Как глубоко презираем мы глупые маленькие кирпичики игрушечных магазинов! Будь их даже целые сотни, и то они слишком малы, чтобы можно было выстроить из них домик, хотя бы для самых несчастных оловянных солдатиков. Мы видим, как богатые люди, не скупясь, отправляются в игрушечные магазины и покупают эти безвкусные,



непоучительные, смехотворные якобы ящики с кирпичиками, только потому, что они не знают чего, собственно, спросить; а ведь эти игрушечные магазины с их кирпичиками как раз именно самые ярые корыстные враги юности и веселья. Несчастные дети возятся с этими подарками, не чувствуют к ним никакого влечения и, наконец, бросают их, а результаты вы можете видеть в их последующей жизни,—на этих худосочно-задуманных виллах и безвкусных окрестностях, окружающих большие города. Но наш ящик с брусками нас вполне удовлетворяет; все трос мы можем при его помощи проектировать и строить почти в течение целого часа, и все



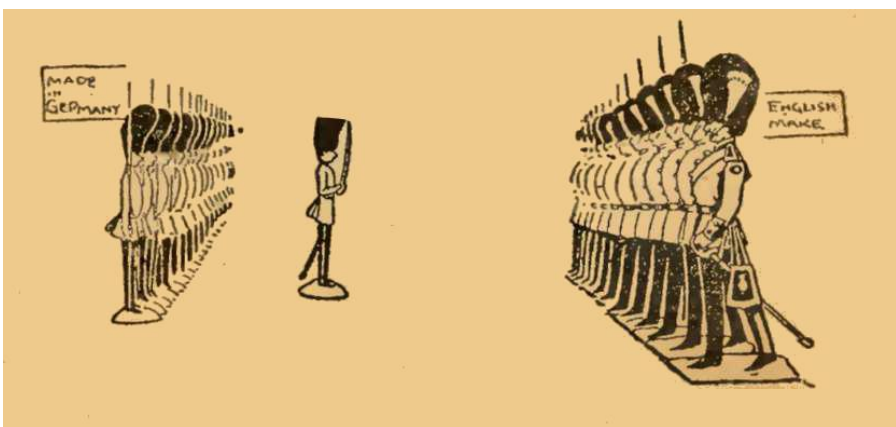


еще их останется у нас не мало в ящике.

Но довольно о брусках. Я хочу рассказать теперь, какое употребление при наших постройках мы делаем из картузной бумаги, тонкого картона и других- предметов, и об украшениях, которые мы делаем из *пластилина*. Само собою разумеется, что мы решительно отринули эти бессмысленные, дорогостоющие, искусственные деревянные и картонные замки, продаваемые в магазинах.

Теперь я скажу несколько слов об игрушечных солдатиках и той группе, к которой они принадлежат. В сравнении с продаваемыми ныне великолепными экземплярами, солдатики времен моего собственного детства являлись сплюснутыми, крошечными существами. В этом отношении в нашей национальной природе произоппо огромное усовершенствование... Теперь солдатики красуются почти в два дюйма вышиной и смотрят вам прямо в глаза; они обладают подвижными руками и проворной сметливостью хорошо обученных людей. За

1) Масса, употребляемая скульпторами вместо сырой глины. Прим. перев.



10 $^{1}/_{2}$ пенсов 1) вы можете купить целую коробочку в 5 штук конных или 9 пеших. Что до нас троих, то мы предпочитаем солдатиков отечественного производства, иностранные же изделия отличаются несообразными размерами, и мы поставили себе за правило, избавляющее нас от многих хлопот, что все одетые в красное принадлежат Уэллсу-старшему, а прочие цвета Уэллсу-младшому, и это—невзирая ни на какие подарки, завещания или несчастные случаи... Есть у нас и матросы, но так как красных матросов не существует, то синих мы относим к красным. „

У нас есть далее и „охотники до говядины" 2), краснокожие индейцы, зулусы, для которых имеются особые правила. Мы

нашли также оловянных собак, кошек, львов, тигров, лошадей, верблюдов, рогатый скот и слонов подходящего размера, есть у нас и особые коробки с железнодорожными носильщиками; некоторых солдатиков мы приобрели в Гессен-Дармштадте и на нашей доверчивой родине они сходят за полисменов... Зато мы терпим большую нужду в хороших стат-

1) Пенс равнялся в то время (1912 г.) приблизительно 4 коп.

2) ***Beefeaters*—**насмешливая кличка английских лейб-гвардейцев. *Прим, перев.*

ских. Как-то в одном из магазинов мы нашли коробку статских немцев, подходящего размера,-но они были несколько тяжеловаты, при чем штука стоила около 2 $^1/_2$ пенсов, что уж слишком дорого. Были тут джентльмены в суконных сюртуках с чемоданами в руках, один из них в цилиндре; были леди в серых и белых костюмах, двое детей, собака и, т. п.; однако нам никогда уже больше не удавалось найти еще что-нибудь в этом роде.

Повидимому, игрушки эти были не английского изделия,—да благоволят на это обратить внимание наши фабриканты игрушек...*

Я пишу это, как если бы я был генеральным консулом в Игрушечном царстве и указываю своему отечеству новую отрасль промышленности. А ведь в результате этой скудости наш детский мир страдает от страшного бича милитаризма, и даже продавец колониальных товаров носит эполеты. Это может нравиться лорду Робертсу и м-ру Лео Максу, но нам это, разумеется, не должно нравиться. Мне хотелось бы лучше

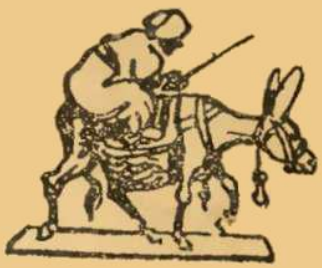
достать коробки с фигурками торговцев: синего мясника, белого булочника с булкой указного веса, суконщика и др.; коробки с прислугой, уличными разносчиками, франтами и т. д. Не отказались бы мы и от судьи с адвокатами или коробки с членами приходского управления.

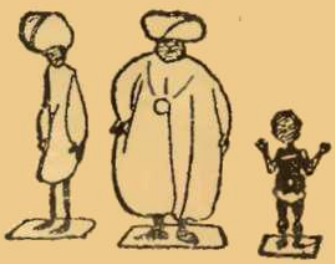
Мы, правда, могли бы купить молодых девушек из Армии Спасения или игроков в футбол, но к обоим этим родам игрушек мы совершенно равнодушны.

Есть у нас, конечно, и бойскауты.

С такими коробками статских мы могли бы забавляться гораздо больше, чем с заполонившими нас военным бегом, маршировкой, фанфаронством. Они влекут нас к парадам, а ведь только совсем глупенькие, маленькие мальчики могут питать неувядаемый интерес к мундирам и смотрам.

Наконец, что касается наших железных дорог, то я дол-





жен заметить, что тут мы всегда настаивали на однообразных размерах. Мы строго решили вымерить букву О, и все, что мы покупаем, пригоняем к ней, и таким образом воспроизводим существующую у нас железнодорожную сеть. Ничто больше не свидетельствует о скудоумии родителей и родственников, как разнокалиберная груда железнодорожных игрушек в детской.

Итак, описав вам материал, которым мы пользуемся, я приведу теперь одну или две из бесчисленных наших игр. Конечно, мне придется тут быть несколько искусственным. Все иллюстрированные здесь игры были бесконечное число раз играны у нас с большой радостью и счастливой изобретательностью, но без малейшей мысли об обнародовании их. Они умчались теперь, эти игры, в смутный, лучезарный мир воспоминаний, куда уходит все дорогое и радостное на земле. Но мы решили опубликовать их и тем еще раз оживить хорошие минуты, пережитые нами...

ОТДЕЛ II.

Игра в „Чудесные острова".

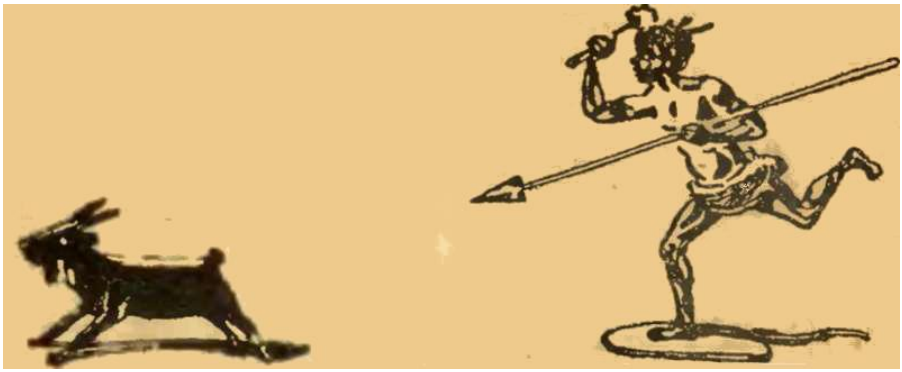
В этой игре пол изображает море. Половина его— скорее большая, по какому-то врожденному праву первородства — отведена моему старшему сыну (он как бы царит на ней), другая —его младшему брату. Доски наши мы распределяем по морю в форме архипелага. Затем мы принимаемся за украшение наших островов, строго не допуская никого к пашей работе, пока она не кончена.

На первом рисунке изображен такой архипелаг, устроенный его будущими исследователями, или, скорее, в погоне за исследованием. В общем ему придан вполне индейский характер —типично-индейский, как это и подобает детям великого народа.

Всего-на-всего тут четыре острова—два с правой стороны от читателя и два с левой; ближайшие из них будут и более северными,—насколько это возможно было воспроизвести фотографической камерой. Самый северный остров с правой стороны будет и наиболее цивилизованный; это, главным образом, остров-храм.

Храм этот имеет плоскую крышу, украшенную куполами, сделанными из половинок пасхальных яиц и картонных формочек, употребляемых для битых сливок.

Над всем этим высится огненно-яркое украшение из пластилина, — работа Уэллса-старшого. Восточный народ любит толпиться на дворе рассы-



паясь по дороге. Обратите внимание на фантастических чудовищ из пластилина, которые охраняют главные входы в храм, —также создание Уэллса - старшего, тароватого на архитектуру этого замечательного образца восточной религиозности. Будьте уверены, что они ничто в сравнении с гигантскими идолами внутри, вне досягаемости святотатственной фотографической камеры... Несколько правее — тропическая тростниковая хижина. Ее тростниковая крыша сделана из той рифленой 1) бумаги, в которую обертывают бутылки,— бесценное благодеяние для таких игр. Все, что только появляется в доме, нам на руку.

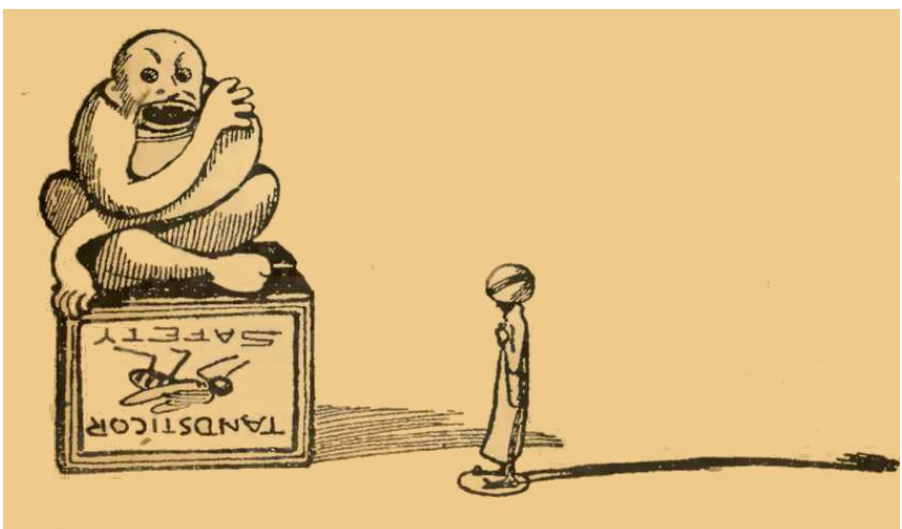
1) У, нас подобной бумагой при упаковке обвертываются,

напр., электрические лампочки. *Прим. перев.*

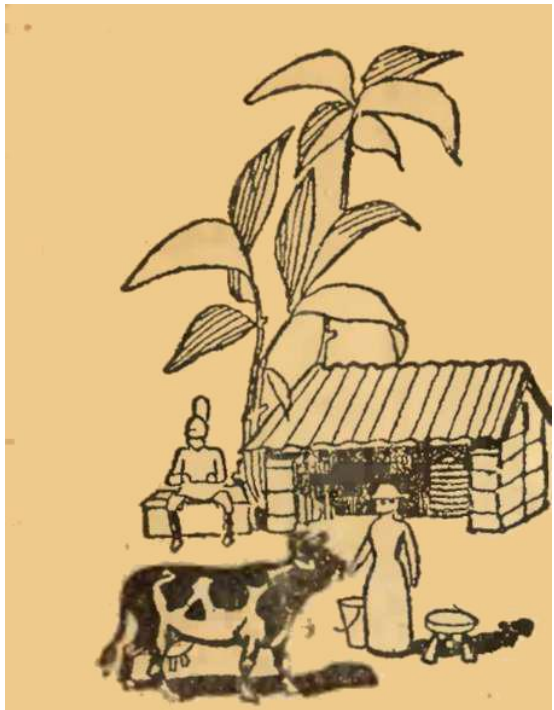
Владелец хижины отдыхает у входа. Это слезший с коня кавалерист, владелец единственной коровы; стоит она 9 $^1/_2$ пенсов,—сумма поистине чудовищная. Если бы здравый смысл подсказал фабрикантам игрушечных солдатиков изготовлять коробочки с коровами и свиньями, то ферма этого бедняги была бы лучше обставлена; но этого-то у них и нет,— они ведь только и делают, что изготовляют солдатиков. Забор этой хижины, я должен заметить, принадлежит к маленькой деревянной ферме, купленной нами в Швейцарии. Люди, населяющие ее, рассеялись; животные ведут случайный образ жизни, как, напр., дикие гвинейские свинки[1]) на более южных островах...

Внимание ваше особенно привлекают деревья вокруг и позади дома, сгущающиеся в лес на отдаленном острове с правой стороны. Это мы делаем из веток, взятых нами с деревьев и кустов нашего сада, втыкая их в дырочки досок.

Возле прежнего нашего дома была небольшая роща, и тогда наши игрушечные леса были чу-



1) Род кролика. *Прим. перев.*



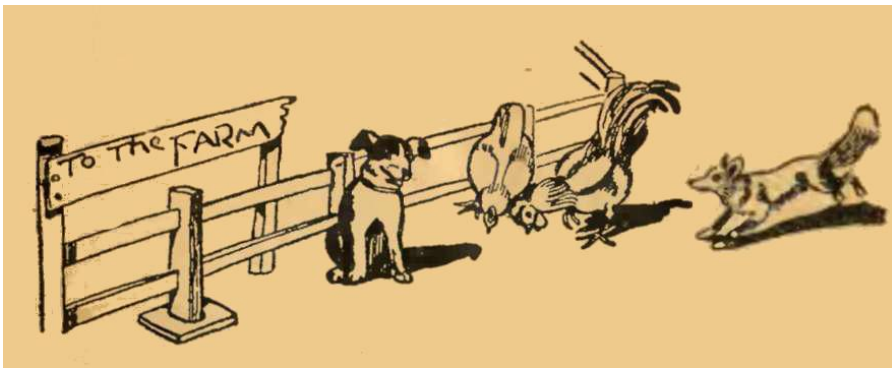
BEWARE
OF WILD
CAMELS
ETC.

десны; теперь же мы довольствуемся садом в Гомстэде[1]) и для украшения можем доставать лишь жасмин и ветки грушевого дерева. Оба эти растения быстро вянут и далеко не так живучи, как ветки тамариска, ели, остролиста и пр. Самое главное для таких лесов, чтобы в досках были просверлены дырочки; никакие оловянные деревья по могут сравниться с ними по красоте, естественности и разнообразию.

При хорошем благоустроенном саде можно устроить страшные дремучие леса и потом расположить выглядывающих из них отдельных всадников или блуждающих зверей.

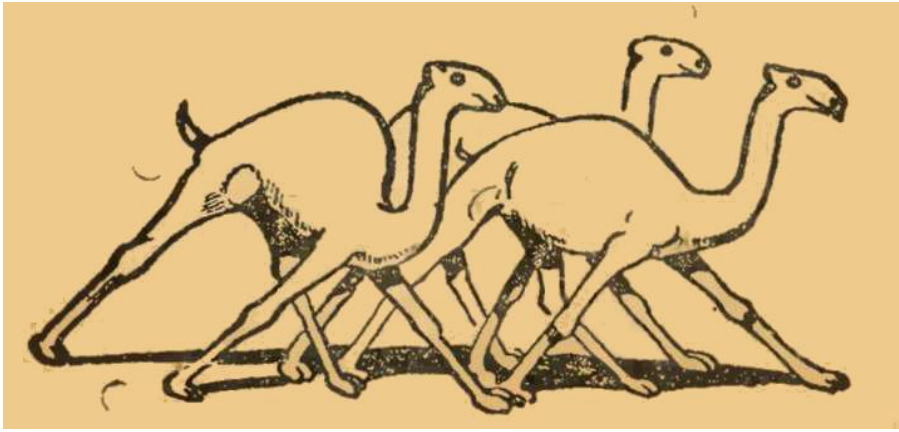
Более отдаленный остров с правой стороны является и менее населенным, чем остров храма. Верблюды, как вы видите, бегают там в диком состоянии; гость и род слона - карлика, сходный с

1) Пригород Лондона. Прим. перев. •



вымершим теперь родом, скелеты которого попадаются порою на о. Мальте; встречаются и свиньи (или, вернее, — к стыду все тех же непредприимчивых фабрикантов— единственная драгоценная свинья!), красный попугай и другие животные, оловянные и деревянные.

Ветки грушевого дерева прелестны. Они-то и привлекают белых поселенцев (которых я подозреваю там), чьи тростниковые хижины виднеются и па берегу, и внутри страны. Возле первых лежит масса дров грушевого дерева. Но набег чернокожих дикарей с соседнего левого острова надвигается, и единственный поселенец, ясно видимый, это—человек в форме карабинера, убегающий за помощью внутрь страны. А там вдали,



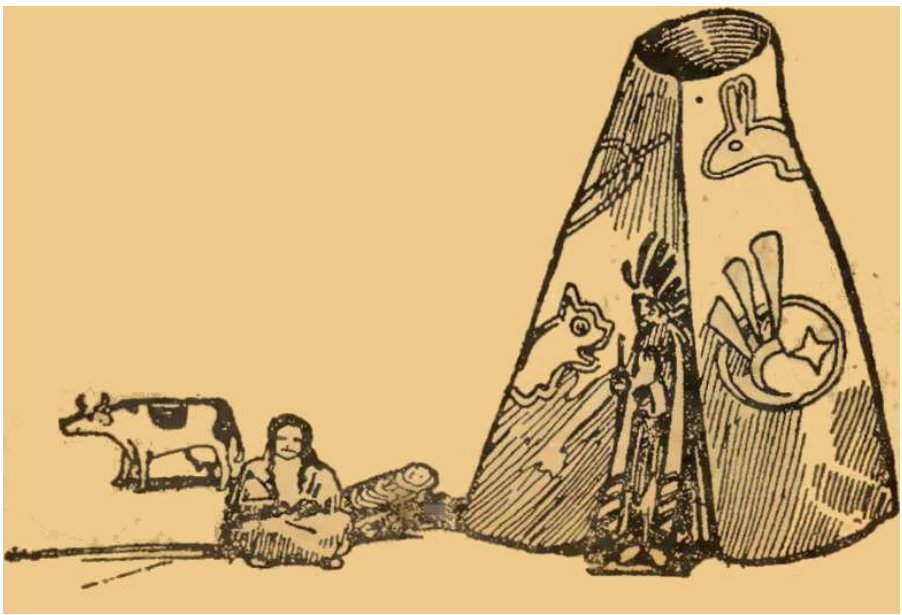
посреди ветвей, виднеется и та самая помощь, которую он ищет.

Отвага этих чернокожих дикарей равняется разве их жестокости. Они носятся по морю в своих грубых челноках, попросту сделанных из полоски картона. Их собственный остров (одни из лежащих на юге с левой стороны) представляет из себя скалистую пустыню, изобилующую пещерами. Главная пища жи-

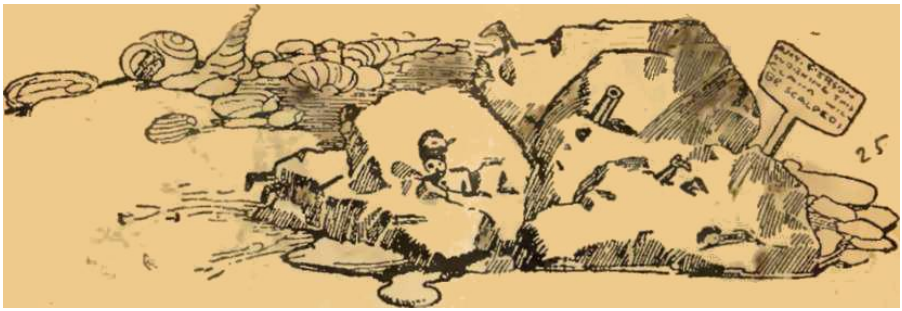
телей—мясо диких коз, но в погоне за этими животными вы наталкиваетесь порою и на бурого медведя (ценою в 6 пенсов), сидящего у входа в свою пещеру. Тут же вы видите и маленьких деревянных животных, напоминающих гвинейских свинок, населявших когда-то, в более счастливую пору, ту швейцарскую ферму.

Наконец, очередь доходит теперь до левого острова. И он такой же дикий и скалистый, но населен уже не черными неграми, а краснокожими индейцами, шатры которых, сделанные Уэллсом - младшим из простой ко-

ричневой бумаги, грубо, но характерно разукрашены символическими фигурами (молом); их свирепые, хорошо вооруженные обитатели устремляются наружу при малейшем подозрении о нападении. Обратите внимание и на особенный, романтический берег этой земли, изобилующий раковинами. Я должен заметить, что в скалах этого острова заключены огромные минеральные богатства. Тут имеется серебро не только листовое и рудное, но огром-



ные самородки металла, обнаруживающиеся при плавке в железной ложке безнадежно изломанных оло-



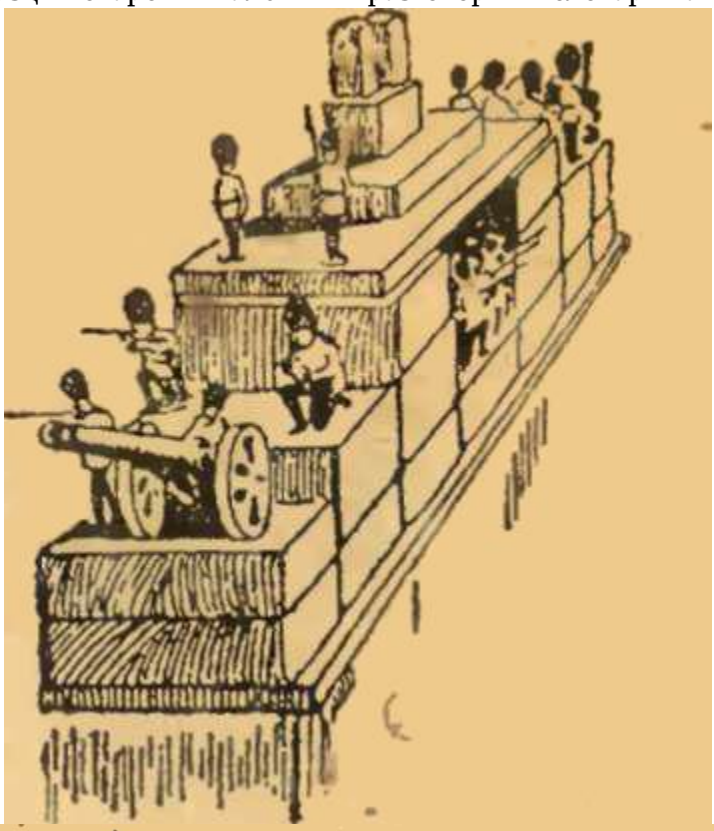
вянных солдатиков... Остров этот представляет совсем исключительный интерес для исследователя-геолога. У индейцев, как видите, имеются две прирученные коровы,—оловянная и деревянная (см. вышеприведенные замечания о скудости оловянных животных).

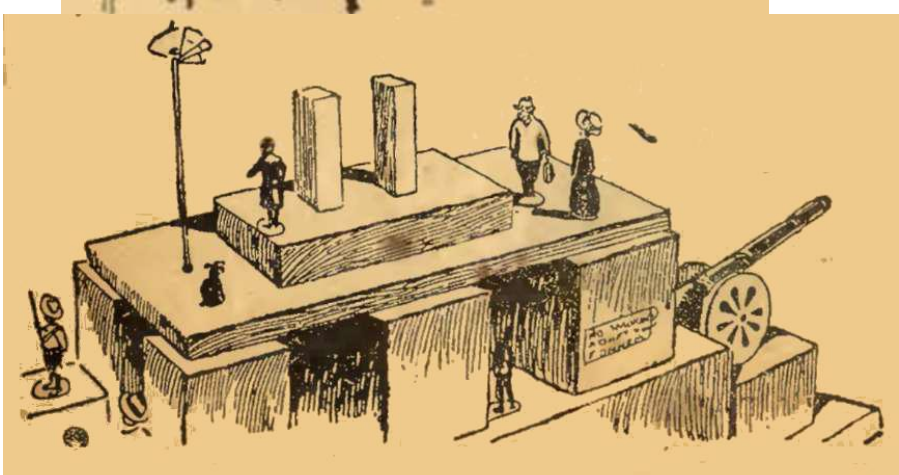
Так вот как должна быть обставлена игра. Затем мы строим корабли и отправляемся исследовать эти острова. Строим мы их из наших деревянных брусков с прямыми килями, сделанными из двух деревянных обрезков в 9*4 $^{1}/_{2}$дюйма, которые очень удобно передвигать

по полу. Капитан Уэллс - старший плавает по бухте между восточными и западными островами; судно его вооружено тяжелыми орудиями и гордится своей чрезвычайно воинственной армией, пламенеющей, повидимому, уже из одной любви к

искусству. (Я подозреваю их в империалистских замыслах..).

Капитан Уэллс - младший стоит, очевидно, на якоре между своими северными и южными островами. Судно его несколько более мирного типа. На палубе я различаю леди и джентльмена (немецкого происхождения) с чемоданом в руках,—двое из наших немногочисленных статских. В чемодане, несомненно, лежат образцы товаров и маленький разговорный словарь на негритян-



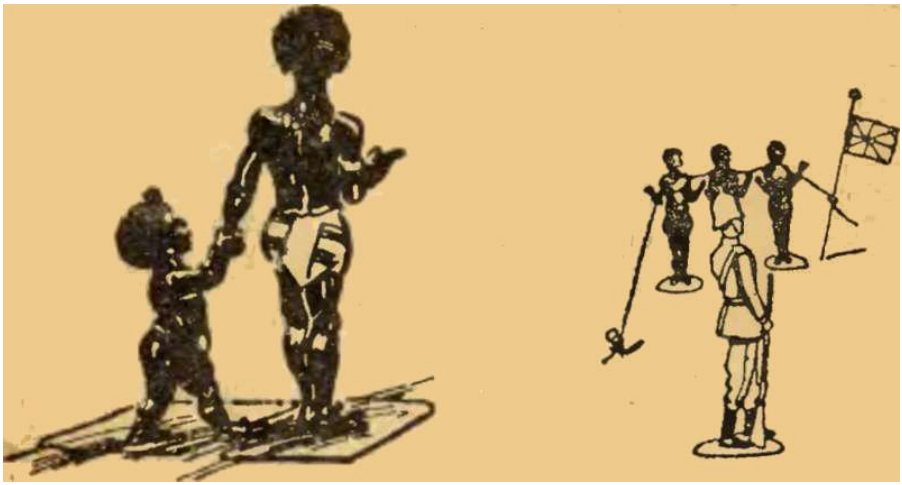


ском наречии. Быть может, капитан хочет причалить к берегу

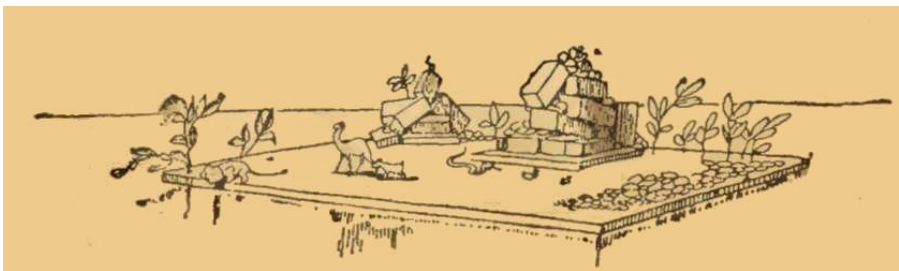
и освободить потерпевшие нападение хижины, а, может быть, высадиться "на берег и, построив плотину, приняться за разработку руды в скалах, дабы наполнить свои трюм серебром. А может случиться, туземцы убьют и съедят джентльмена с чемоданом... Все это полнейшая неизвестность для капитана Уэллса - младшего.

Вы видите теперь, как развивается игра. Мы собираем предметы и перемещаем их, строим и перестраиваем, водружаем бумажные флаги на булавках, покоряем народы, даруя все блага цивилизации их странам. Целыми днями мы наблюдаем их жизнь. И, наконец, когда все это прискучит нам, появляется старая щетка, и мы сжигаем паши деревья, разоряем острова, убираем фигурки в маленькие ящики комода; доски, изображавшие острова, прислоняем к стенке,—словом, убираем

все прочь. Но проходит несколько дней, и, смотря по настроению, мы снова затеваем какую-либо игру. Но никогда, никогда не повторится уже прежняя игра. Теперь это будет, напр., пустыня, и доски изображают уже холмы; нигде ни капли воды, кроме озер и рек, начертанных нами мелом...



Да после описанной выше игры подражать уже но трудно, и я хочу приступить теперь к рассказу о том, как мы строили города.



VOTES
For Women

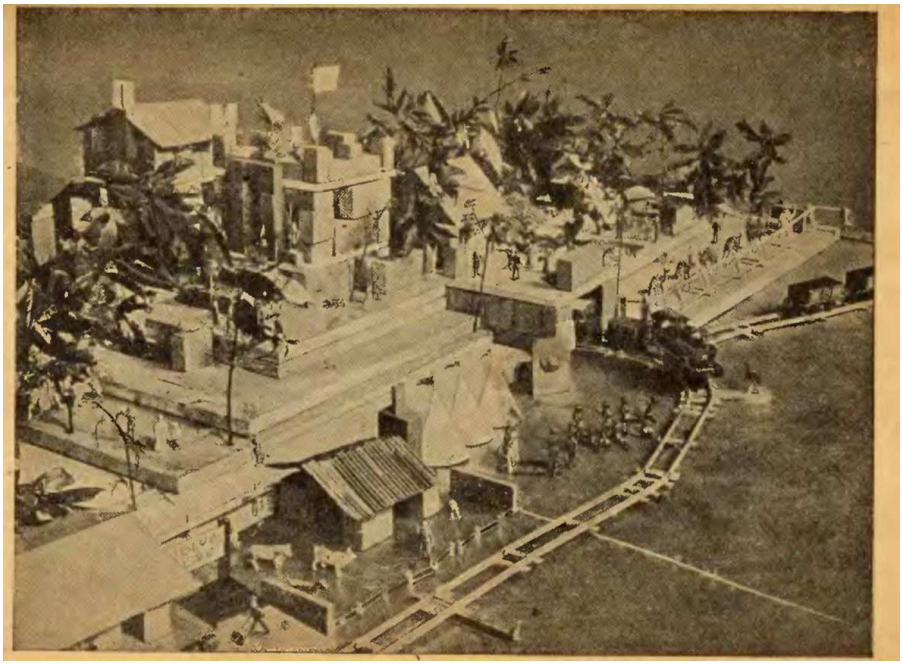
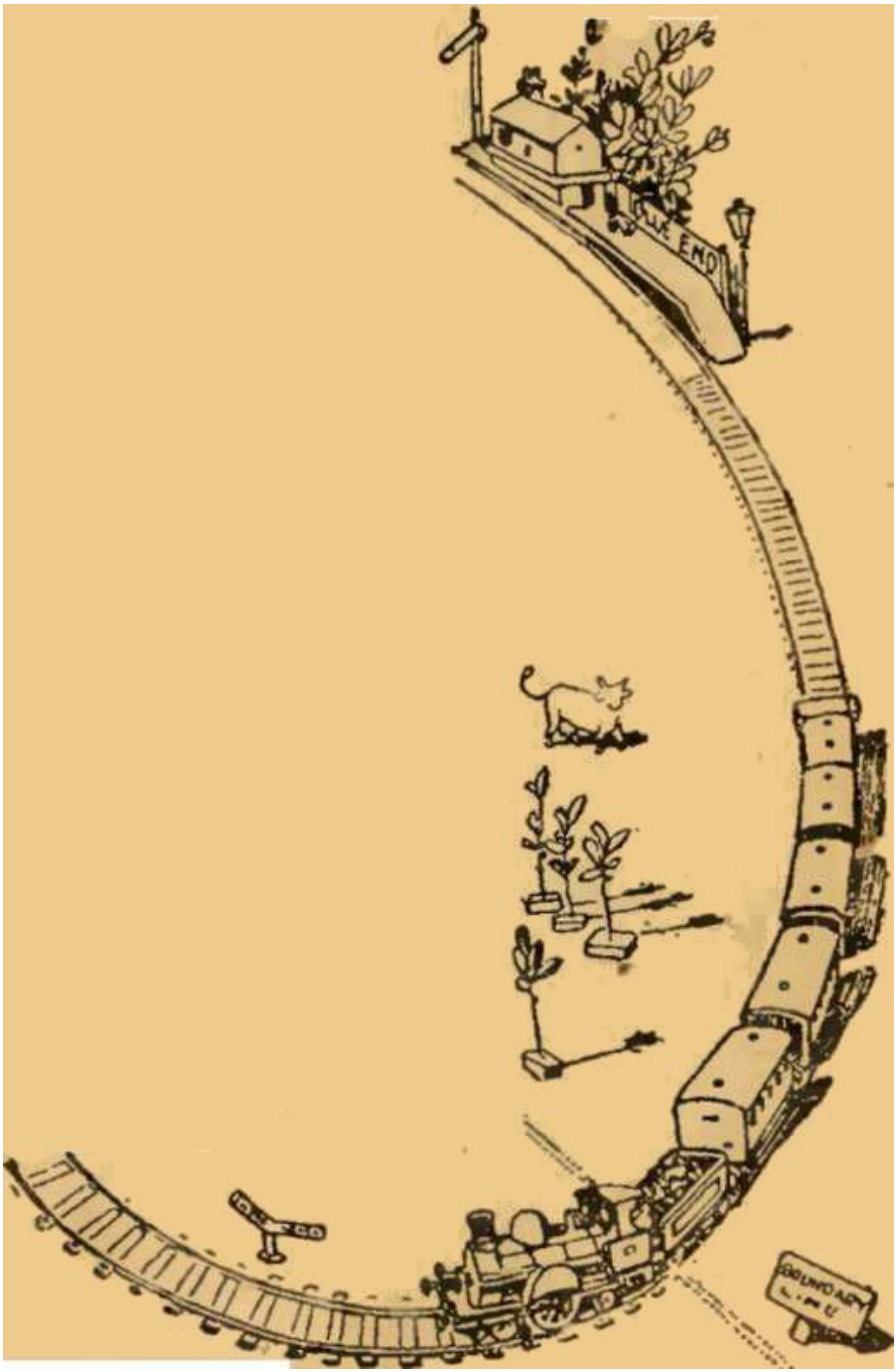


Рис. 2. Террасовидный холм, на котором стоит ратуша. На заднем плане—зоологический сад.

ОТДЕЛ III.

Как строить города.

Мы всегда строим двойные города, как, напр., Лондон и Вестминстер или Будапешт, так как двое из нас обыкновенно желают быть и лорд-мэрами и муниципальными советниками, и во имя местной независимости и счастья так и приходится устраивать их... Однако,, когда сюда присоединяются железные дороги или трамваи, то рельсовый путь считается общим, при чем мы выработали прекрасный закон, в силу которого рельсы должны быть уложены, а стрелки открыты таким образом, чтобы всякий желающий мог пустить со своей



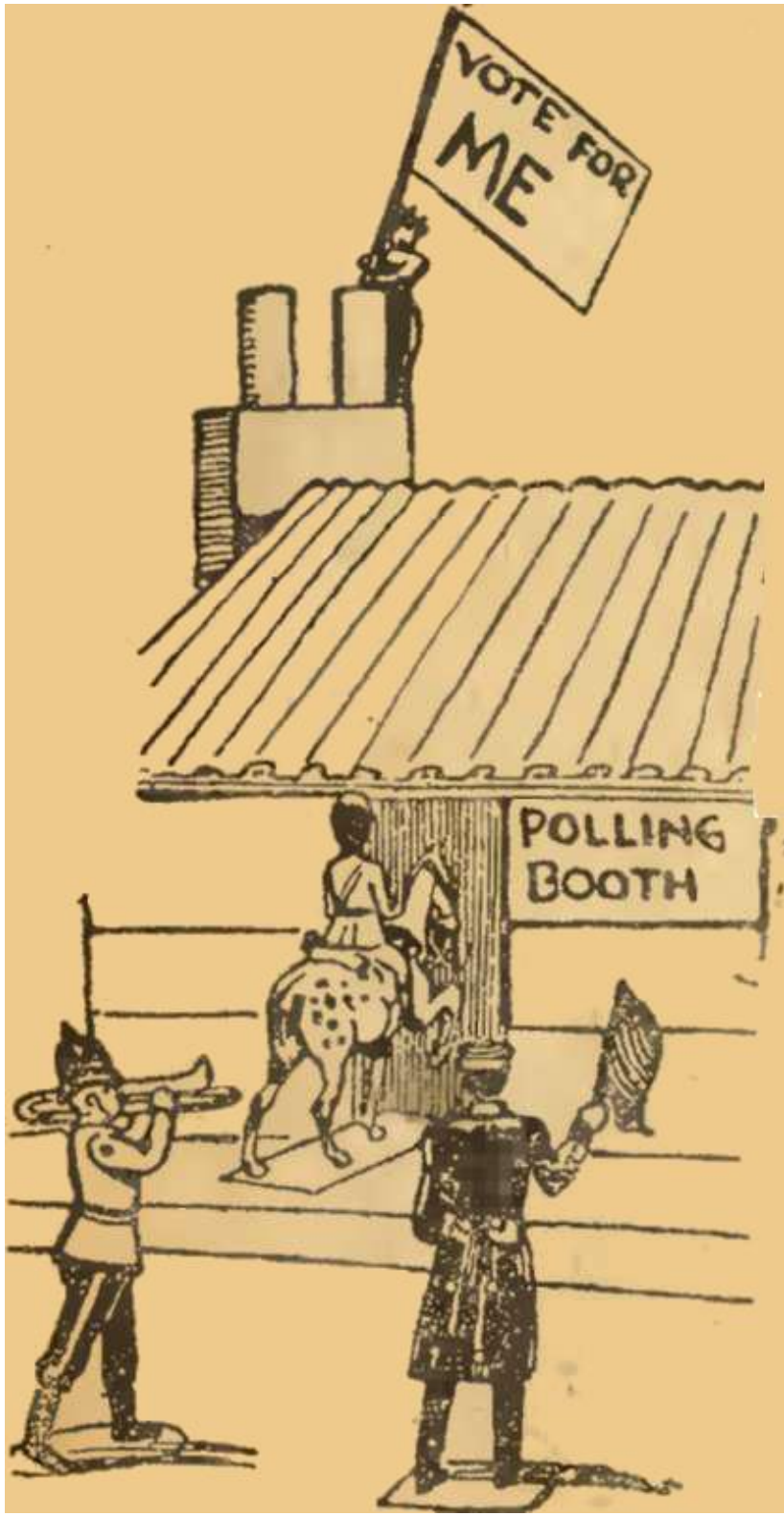
станции сквозной поезд взад-вперед без особых переговоров или личного вмешательства в административную область другого. Нежелательно, чтобы другие шагали через чьи-либо дома, стояли в открытых мостах, а в крайних случаях сшибали с ног или даже наступали на кого-либо из граждан. Порою это

ведет к объяснениям, в которых потом приходится раскаиваться...

Итак, мы всегда делаем двойные города или же у крайней узловой станции один город с двумя кварталами — *Красный Конец* и *Синий Конец.* Весьма тщательно мы отмечаем границы между ними, у граждан же наших хватает настолько местного патриотизма, что они очень редко сбиваются с пути у той узенькой белой полоски, которая разграничивает их муниципальную верность...

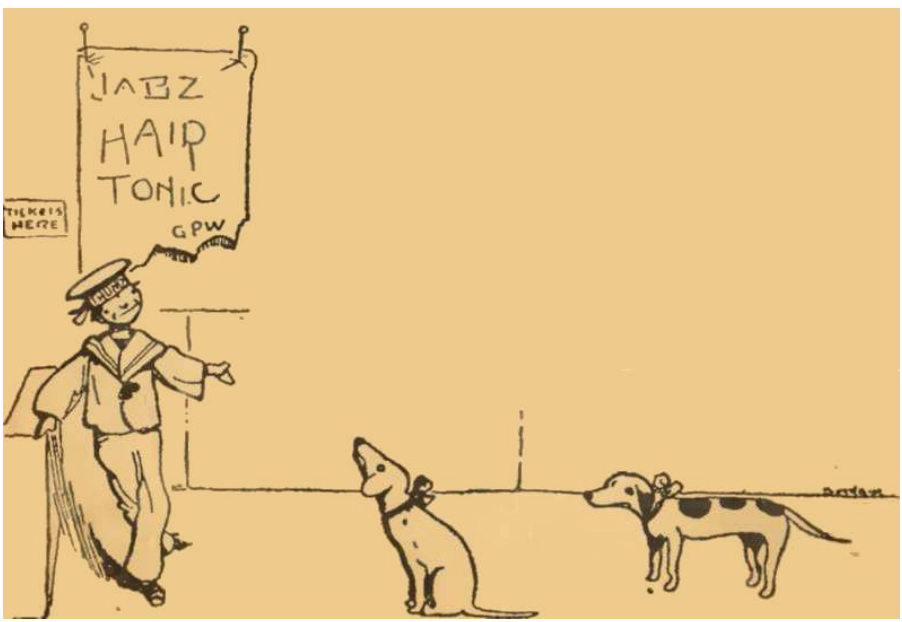
По временам у нас происходят выборы мэра. Это что-то вроде народной переписи. Правом голоса пользуются лишь граждане о двух ногах и, по крайней мере, одной руке, словом, люди, способные стоять. Голосующие могут также подавать свой голос, сидя верхом па коне; бойскауты, женщины и дети не пользуются правом голоса, хотя там и происходит усиленная агитация к устранению этой несправедливости. Зулусы и лица, производящие впечатление иностранцев, как, напр., индейская кавалерия и краснокожие индейцы, также лишены этого нрава. То же самое можно сказать и о лошадях и верблюдах без всадников; ну, а слон никогда и не добивался этой привилегии, да, по видимому, и не желает ее: он влияет па общественное мнение и так совершенно достаточно—уже одним кивком головы...

Мы построили, а я сфотографировал один из наших городов, чтобы нагляднее показать увлекательность этой игры. „Красный Конец" будет справа от читателя и занимает собою большую часть холма, на котором стоит город, тенистый зоологический сад, ратуша, железнодорожный туннель через холм, музей - церковь и лавка. В „Синем Конце" имеется железнодорожная станция, четыре или пять лавок, множество домов, трактир и примыкающая к станции тростниковая ферма. Граница, начертанная мною, точно верховным владыкой (который в одно и то же время делает холмы и туннели и заставляет произрастать деревья!), беспорядочно вьется между двумя лавками возле собора, обходит его сбоку прямо на ратушу и идет далее между тростниковой фермой и плацем для стрельбы. О природе холмов я уже говорил выше, и на этот раз у нас не было озер или другой какой придающей красу воды. Однако последнее очень не трудно сделать при помощи куска стекла (напр., из стеклянной крышки


VOTE FOR
ME
POLLING
BOOTH

какого-либо ящичка), положеного на серебряную бумагу. Такую воду очень легко правдоподобно населить так широко распространенными ныне целлулоидными тюленями, лебедями и утками. Бумажные рыбы находятся под поверхностью и могут быть рассматриваемы любопытными Разумеется, большая часть веселья в этой игре зависит от остроумной комбинации различных предметов. И это непременное условие, иначе все дело у вас быстро превратится в бессмысленное скопление неудачных замыслов.

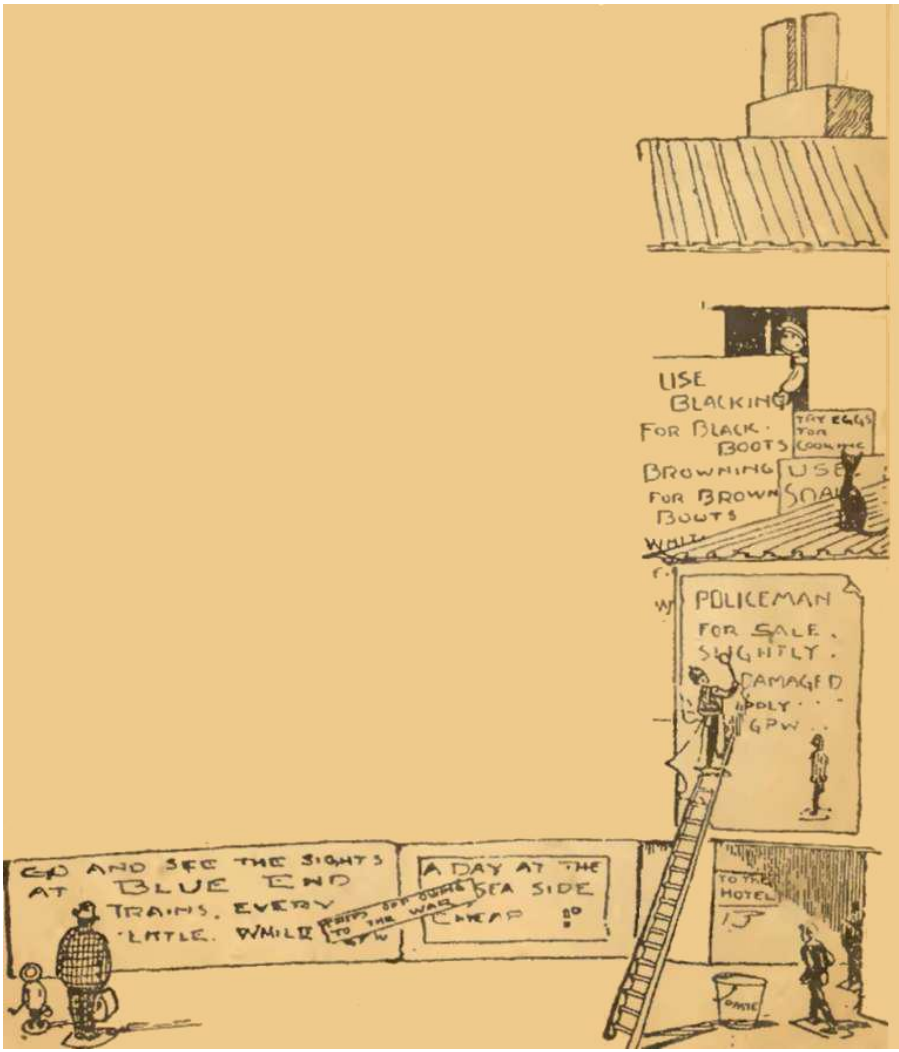
С этого привлекательного места я снял две фотографии—с правой и левой стороны. Для осмотра его главных видов я позаимствую, пожалуй,



обычный стиль путеводителей : начну с железнодорожной станции. На довольно близком расстоянии я снял с нее большую фотографию, представляющую для входящего посетителя

разнообразную и занимательную картину. Там и сям снуют носильщики (из коробки с носильщиками!) с тележками и ручным багажом. Некоторые из наших чересчур малочисленных статских расхаживают по платформе; особенно обращают на себя внимание два джентльмена, леди и маленький сердито поглядывающий ребенок; тут же и деревянный матрос (ценою в 1 пенни!), заплетающий ногами в таком неприлично-пьяном виде, какого теперь, по счастью, встретишь не часто. Две храбрые собаки с молчаливым презрением взирают на его оброшенность. Скамья, возле которой он пошатывается,—часть какой-то сломанной игрушки, о происхождении которой я давно уже забыл; подобный же обломок и станционные часы, равно как и металлический столб, на котором написано название станции. Мы находим, таким образом, что многие игрушки становятся пригодными лишь тогда, когда уже отчасти поломаны...

Заборы в конце платформ не что иное, как куски дерева из игры в „Матадор",—той великолепной и поучительной игры, которая, если не ошибаюсь, явилась к нам из Венгрии, и медленно, но прочно завоевала симпатии английских детей. Тут же,—и это я говорю с сожалением,—красуется и мычащая реклама о „Краске для волос" Джаба, с распущенными волосами (на фотографии волосы не вышли вполне ясно). Сделано это Уэллсом-старшим, очевидно, самим роком предназначенным стать писателем реклам для ближайшего поколения. Из своего скудного досуга он тратит немало времени на выдумку и рисование реклам о воображаемых продуктах. Оставляя в стороне много веселого, прекрасного и благородного в жизни, он увлекается изучением и подражанием рекламной литературе и подъемными машинами. Вместе с братом своим он издает газету, почти всецело посвященную этим докучливым рекламам. Обратите также внимание на плакат над входом в туннель, навязывающий мыло Джинкса проезжающим путешественникам. Продолговатый предмет на плакате представляет, несомненно, плитку этого зловредного навязываемого продукта. Над зоологическим садом красуется -надпись: *Зоо, за вход 1 пенни;* нельзя умолчать и' о вывеске зеленщика—нарисованная капуста с надписью: *Купи ее...* В этом отношении Уэллсу-младшему больше нравится Совет лондонского графства, и он пред-



почитает обнаженные стены. Надеюсь, вы сможете прочитать его заявление над трактиром: „5 фунтов штрафа с того, кто приклеит сюда объявление".

„Возвращаясь со станции",—как гласит путеводитель,—и еще раз взглянув на пассажиров, ожидавших права объехать круг па открытой платформе, а также „обратив внимание" па замечательные платформы, сделанные нами из досок в $9*4^1/_2$ д каждая, мы поворачиваем налево, к деревенской улице. Электрический омнибус (в менее прогрессивные времена это была одноконная больничная повозка) стоит в ожидании пассажиров, а по дороге к трактиру „Вишневое Дерево" вы замечаете двух нянюшек; у одной из них на руках ребенок с головой из пластилина. Хозяин трактира — небольшая комическая фигура из гипса; вывеска его прикреплена булавкой. Если судить по живости, с какой множество карабинеров устремляется к двери,

то очевидно закуски здешние пользуются завидной репутацией... Кстати трактир, как и станция, и некоторые частные дома, крыты жесткой бумагой.

Эта бумага для крыш была одним из наших великих изобретений. Мы купили толстую жесткую бумагу и изрезали ее

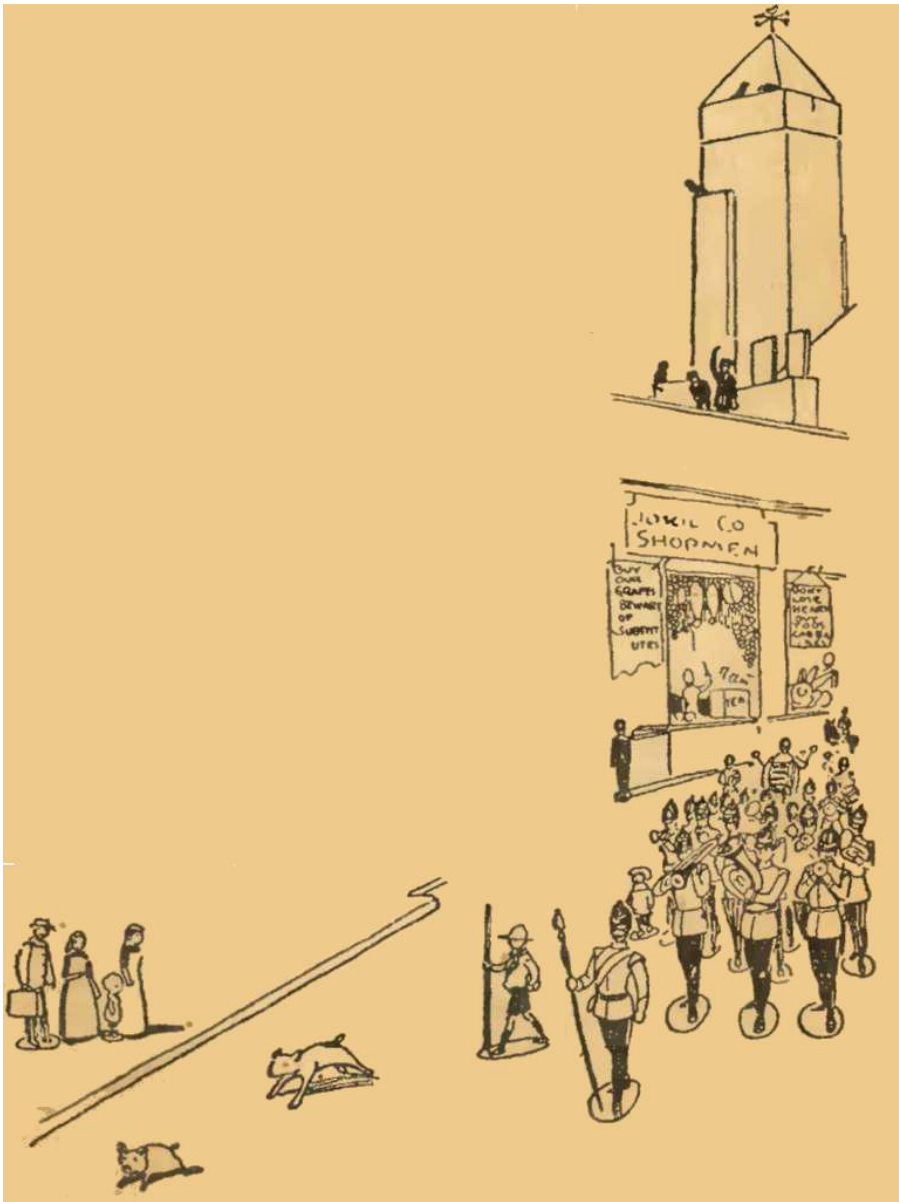
на нужные нам размеры. По окончании игры мы вкладывали эти крыши друг в дружку и клали на книжные полки. Сложенные таким образом крыши годятся и на следующий раз.

Продвигаясь по нашей дороге мимо „Вишневого Дерева", и удержавшись от искушения заглянуть туда, мы входим в торговый квартал. Товар в окнах ручной работы—из пластилина. Тут же мы видим мясо и окорока „м-ра Уодди", капусту и морковь „Тод и братья", торговый дом „Джокиль и К⁰". Все служащие в наших магазинах обязательно должны быть в белых колпаках. По улице взад-вперед снуют бойскауты, мимо гремит телега; большинство взрослого населения занято своими делами, а, идя по дорого, играет хор музыкантов, одетых в красное. Сравните эту оживленную картину с таинственностью моря и леса, скал и водоворота в предыдущей игре.

Далее идет обширная церковь или собор. . Здание это—утрированная подделка под готический стиль; оно очень напоминает нам церковь, которую мы когда-то видели в пути вверх по Рейну, во время нашего кратковременного пребывания в Роттердаме. Одинокий скаут, помня заветы лорда Гальдэна, входит в высокий портал храма. Пройдя собор, мы попадаем в музей. Слово это—не пустая похвальба: музей заключает в себе образцы минералов, раковин,—тех самых больших раковин, которые мы находили на берегу в нашей предыдущей игре,—исполинские черепа вымерших кроликов, кошек другие чудеса в этом роде. Второстепенные достопримечательности могут быть расположены на полу, едва видимые из окон.

„Теперь", — как говорит путеводитель,—мы возвращаемся по своим стопам к магазинам и, свернув влево, поднимаемся под деревьями на террасовидный холм, на котором стоит ратуша. Это великолепное здание увенчано колоссальной статуей серны; оно двухъэтажное с зубчатой крышей и склепом (вход направо, по лестнице), служащим для заточения преступников; тут же городская стража в костюмах старинных лейб-гвардейцев.

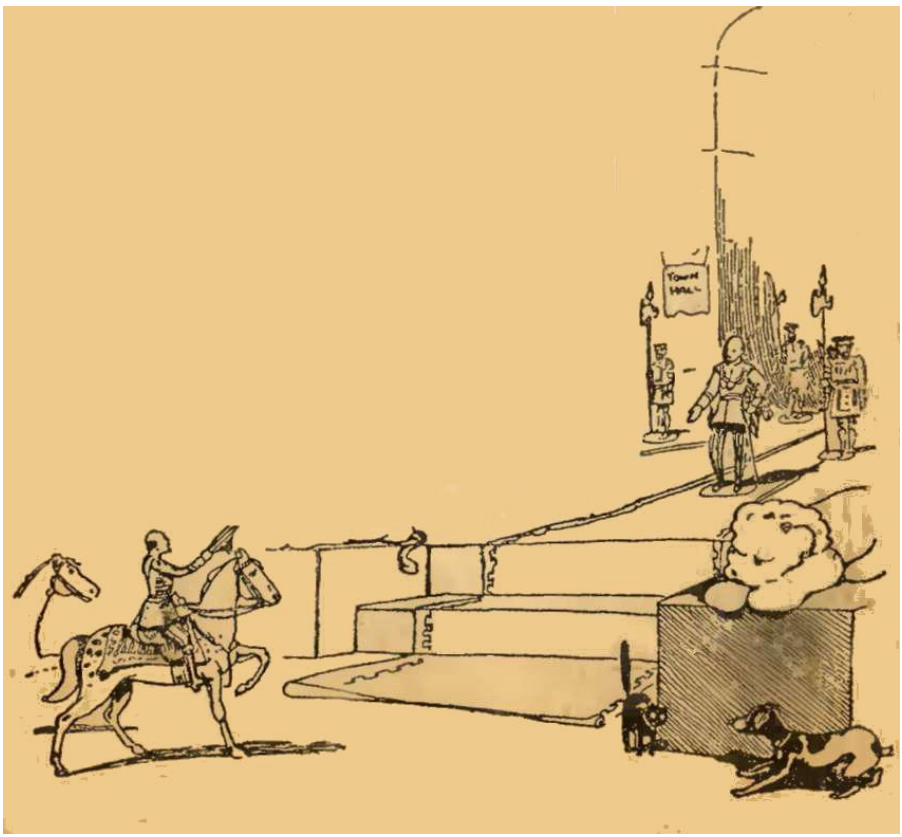
Посмотрите на кошку и собаку в яростной схватке внизу. Спуск по просторной прямой лестнице ведет с откоса холма к „Синему Концу". Оба льва, лежащие по каждую сторону лест-



ницы,сделаны из пластилина и исполнены таким непостоянным художником, как Уэллс-старший, он же и мэр „Красного Конца". Вот он здесь налицо. Фотограф наш попал в счастливую минуту в истории-этого города, когда оба мэра беседовали на террасе перед дворцом. Уэллс-младший, мэр „Синего Конца", стоял на лестнице в костюме британского адмирала; Уэллс-старший (одетый всадником), верхом на коне, находился на площадке. Городская стража отдает им честь, а с холма множество музыкантов, одетых в синее (отчасти они скрыты деревьями), верхом на серых конях направляются к ним

навстречу.

Пройдя мимо ратуши и повернув направо, мы выходим к зоологическому саду. Здесь нам попадаются двое из наших статских: джентльмен в черном, леди и большой бойскаут, — вероятно, их сын. Мы входим в сад, оберегаемый бородатым привратником, и сразу нам бросается в глаза музыкальное выступление трех со-



бак, исполняющих, как сказал бы путеводитель, - „нежную музыку". Ни в одном из кварталов города нет, кажется, и отдаленного запрета относительно употребления музыкальных инструментов. Да, это не место для укрепления нервов...

В саду содержатся неизбежные слоны, верблюды (которых мы разводим, почему их и имеется достаточное количество), сидячий медведь, доставленный из пещер предыдущей игры, козлы из тех же мест,—теперь они приручены и свободно бегают по саду,— неописуемо неуклюжие слоны-карлики и другие редкие животные. Сторожа носят форму, напоминающую одеяние железнодорожных сторожей и носильщиков. Мы блуждаем по саду, возвращаемся обратно, спускаемся с холма близ оружейной школы, где виднеются солдаты, стреляющие в цель, проходим

через огороженное место старой тростниковой фермы и, таким образом, возвращаемся к железнодорожной станции, чрезвычайно удовлетворенные всем виденным и почти одинакового мнения о достоинствах и привлекательности каждого из городских кварталов.

Заводной поезд с шумом подходит к станции. Мы занимаем места, кто-нибудь гудит или свистит за паровоз (который этого не может сделать), поезд вздрагивает, и мы „посылаем долгое, полное сожаления „прости" цветущему и веселому городу Серн"...

Теперь вы видите, как и в каком духе мы устраиваем ваши города. Нужно только немного фантазии, чтобы на сотню ладов дополнять и видоизменять этот план. Вы можете устроить картинные галереи—большая забава для маленьких мальчиков, умеющих рисовать; можно понастроить фабрик или разбить цветник,— что так сильно занимает умненьких маленьких девочек; ратуша может быть заменена укрепленным замком. А еще можно поставить весь город на доски и превратить его в Венецию с пароходами и лодками по каналам и перекинутыми через последние мостами. У нас бывали очень приличные пароходы из картона, с плоскими днищами; имелась и гавань, и пароходы отплывали к отдаленным комнатам и даже в сад, возвращаясь оттуда с самыми замечательными грузами, как, напр., с кипами нарезанных настурций... Затем мы складывали их в мешки из перчаточных пальцев; было у нас и множество игрушечных кранов для подъема тяжестей.

Разумеется, самая расстановка города—уже половина игры. Далее вы придумываете уже различные приключения. Когда я

захотел сфотографировать подробную обстановку для иллюстрации этого рассказа, я принял большее участие в устройстве, чем я это обыкновенно делал. На то было добиться цельности картины, выделить ее задний светлый фон, подняв некоторые деревья, не давать одному предмету заслонять другой и т. д. в том же роде. Когда фотографирование было кончено, предметы оказались более естественными. Я ушел из классной комнаты. Когда я снова вернулся туда, то увидал, что группа карабинеров, устремившаяся в трактир, круто повернула назад и беглым шагом стройно и мрачно направлялась к железно дорожной станции. Слон убежал из зоологического сад в „Синий Конец" и важно выступал в сопровождении военного патруля. Первоначально разбросанные скауты дефилировали рядами. Уэллс-старший разрушал магазин „Джокиль и К⁰", а возле поворота была выстроена железнодорожная станция „Красного Конца". Бревна из „Джокиль и К⁰" очутилось в руках соседних лавочников. Далее, церемониал в ратуше кончился, и стража удалилась. Ко всему этому ветка городской железной дороги убегала в гору к подъезду ратуши, а оттуда в зоологический сад. Это было еще только начало нового периода в деле передвижения, маленькое железнодорожное торжество. Возникло множество остановочных пунктов простого устройства. Уже начали делать массу проездных билетов таких размеров, что пассажиры могли просовывать головы в середину и носить их так, как носит мексиканец свое покрывало. Затем артиллерийская батарея повернула на Высокую улицу, где шел разговор об укреплениях. Предположим, что дикие индейцы пустились через равнины налево и напали на город! Хотя судьба и доныне пощадила наши игрушечные ящики...

Так пойдет дело до уборки в пятницу вечером. Тогда мы срываем крыши и засовываем их посреди книг, осторожно возвращаем заводные паровозы в ящики,— ведь паровозы такая хрупкая вещь!—солдатиков, стат-

ских и животных водворяем в подобающие им места, снова сжигаем деревья,—на сей раз это уж душистые лавры... И все радости, печали, соперничество и успехи „Красного" и „Синего Конца" исчезают, как исчезли Карфаген и Ниневия, империи Ацтеков п Римская, искусства Этрурии и дворцы Крита, замыслы и затеи бесчисленных мириад живших когда-то детей... Быть может, все это и оставляет после себя какой-нибудь след, распространившись в сознании людей, а, может быть, остается лишь одно умирающее воспоминание...

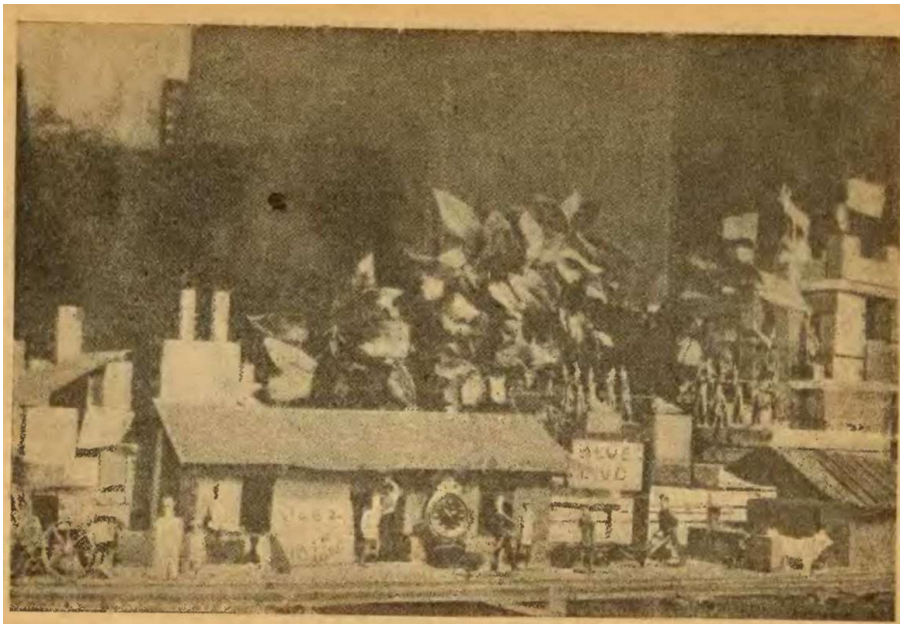


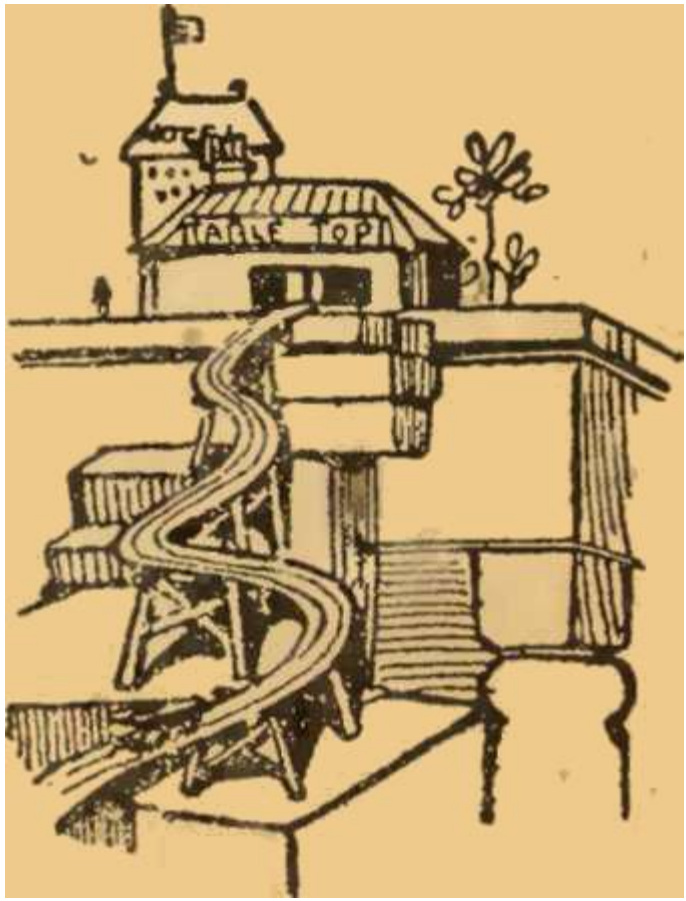
Рис. 3. Железнодорожная станция в „Синем Конце".

ОТДЕЛ IV

Подъемные железные дороги, мраморные башни, замки и военные игры,— но очень немного военных игр.

Я дал ужо теперь два общих типа игр на полу; но в смысле удовольствия и работы воображения игры эти лишь два образца тех вариантов, которые могут быть выполнены из описанных мною игрушек. Сейчас я в кратких словах хочу коснуться и некоторых других случаев, когда прекрасно могут быть использованы пол, доски, бруски, фигурки, железнодорожный состав,— весь арсенал для успешного изгнания беса скуки из жизни маленьких детей. Тут на первом плане стоит забава, называемая нами подъемной железной дорогой, или фюникуляром.

Временами острова почему-либо теряют для нас свою привлекательность, также и города кажутся уже чересчур методически-правильными, не доставляют много приключений, начинают затруднять нас, и нам хочется чего-нибудь нового—ну чего нибудь..', свистящего. Тогда мы говорим:



— Давайте строить фюникуляр! Пусть у нас будет еще один, да такой, чтобы доходил до самого стола!

И мы начинаем спорить,—горная ли это дорога, которую мы собираемся строить? Уже одно название веселит. И мы принимаемся делать подъемную железную дорогу.

Провести ее так далеко, до самого стола — это нам еще никогда не удавалось, хотя временами и очень хотелось. А потом мы решили иметь две станции — одну на равнине, а другую на полу, и при каждой из них запасные и разъездные пути.

Привлекательная особенность горной железной дороги, раз она надлежащим образом сделана, — заключается в нагруженной платформе, а не в игрушечном паровозе; слишком груба эта игра для чистеньких представительных паровозов. Ведь придется нестись сверху до низу по тому пути и так, как направят ваши искусно устроенные стрелки, а впоследствии—и это удивительное, по вполне понятное открытие,—вы можете пустить поезд обратно при помощи „лектричества".

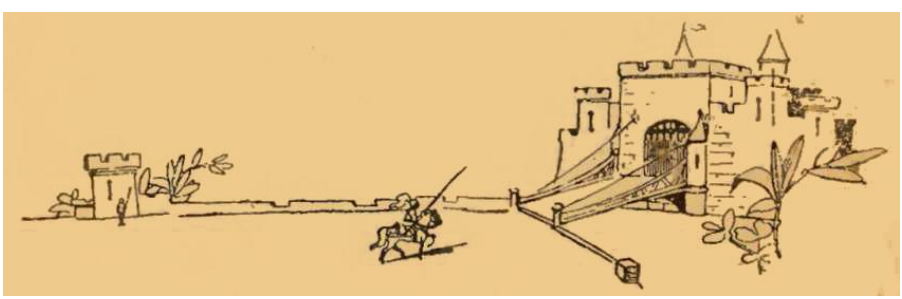
Что такое „лектричество"? Это почти случайное открытие одного из нас, которому слово это обязано также своим

происхождением. Явилось оно при одном приключении с игрушечным паровозом, казавшимся совершенно испорченным, когда на самом деле он был еще полон жизни.

Вы, вероятно, знаете, на что похож игрушечный паровоз? Общий вид его напоминает настоящий — те же трубы, буфера, корпус. Правда все эти вещи сделаны изящно, но это не способствует легкости, не облегчает подъема в гору. Теперь дальше. Иногда в паровозе портится часовой механизм, и тогда он становится негодным; порою же это только так кажется с первого взгляда, что он испорчен: труба согнута; корпус измят. Но вы снимаете эти части, и вот — у вас открытый часовой механизм на колесах,—аппарат почти неудержимой силы, точно дух без тела, что-то вроде неодушевленной ярости. Вот это-то младший наш член моментально окрестил словом „лектричество" и с тех пор стал трепать его...

(Кстати, я знал весьма пригодную маленькую „лектрическую" дорогу, сделанную из механизма заводной мыши.)

Ну-с прекрасно! Когда у пас есть уже подкладки под рельсы, ящики и бруски, и мы хорошо и искусно уравняли нашу линию, облегчая тем спуск, тщательно соединили на поворотах рельсы, дабы спускающиеся платформы и повозки не соскочили с них,— мы посылаем вниз сначала пустую платформу, за нею платформы, нагруженные брусками и свинцовыми солдатиками, а затем уже то, что Уэллс-младший назвал



„лектричеством" (т.-е, заводной паровоз); и вот сильное „лектричество" втаскивает платформы снова кверху с какой-то преднамеренной свирепостью и свистом, который чрезвычайно приятен нам. На линиях этих мы устроили стрелки; сделали мы на них же и горизонтальные разъезды, которые совершенно предотвращают катастрофы; линии эти шли вверх и вниз одна над другой, входили и выходили из туннелей...

Мраморная башня в свою очередь представляет обширное сооружение, с которого мы делаем разветвленные спускающиеся пути, а по ним пускаем шарики [1]). Не знаю, почему интересно заставлять катиться шарики по длинной извилистой дорожке,

полуостанавливаясь, спускаться по ступенькам, устремляясь вдруг из скрытых мест и чрез маленькие картонные мосты, — но нам все это казалось интересным, и мы часто проделывали это.

Замки делаются из брусков и картонных башенок и загородок из тонкой папки; тут же подъемный мост и ров с водой. Это просто особый род постройки городов, сделанный нами потому, что у нас был ящик с людьми в бронях. Мы могли бы воспроизвести всевозможные исторические эпохи, если бы фабриканты игрушечных солдатиков снабдили нас народом. Но в настоящее время,—о чем уже я имел случаи пожалеть,—фабриканты почти не изготовляют ничего, кроме современных воинов. О военных же играх я должен был бы

1) Игра в шарики очень распространена в Англии, заменяя там наши бабки. Шарики эти по большей части каменные, хотя встречаются глиняные и даже мраморные. *Прим. перев.*

написать целые тома или ничего. На сей раз пусть это будет последнее... Когда-нибудь, быть может, я и возьмусь за пространную книгу о военных играх, буду говорить о сражениях и походах, о тактике и стратегии. Но сейчас я намеревался лишь рассказать об обычных радостях игры на полу и пробрать фабрикантов игрушек с целью усовершенствования и пользы дела. И насколько мне кажется,—мне это удалось. Если кому-либо из родителей или родственников удастся, благодаря мне, купить более умную игрушку, то жизнь моя не пройдет совсем бесследной.

Т